

УДК 812 82 (1 – 87)

А. В. Тарарак

НАПОЛЕОНОВСКАЯ СИМВОЛИКА В ПОЭЗИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

О. В. ТАРАРАК. НАПОЛЕОНІВСЬКА СИМВОЛІКА В ПОЕЗІЇ О. Е. МАНДЕЛЬШТАМА

В статті робиться спроба усвідомити характер використання символіки та топосів, пов'язаних із ім'ям Наполеона, в творчості О. Мандельштама. Російський акмеїзм фактично обійшов його, та лише в цього поета в його пізніх, передсмертних віршах виникає наполеонівська символіка, але вона не має за мету міфологізувати особистість героя. Проаналізовані кілька редакцій віршу, які свідчать, що поет був байдужим до наполеонівського міфу, якому віддали належне поети-романтики та символісти. В його творчому світі наполеонівська символіка виникає спочатку як спроба співвіднести масштаб страждань ліричного героя із тим, що відчували воїни минулого в баталіях, які ввійшли в світову історію. Однак в процесі написання вірша О. Мандельштам знімає найменування конкретних, та поряд із цим символічних епосів, оскільки ані Ватерлоо, ані Аустерліц не можна порівняти з тією апокаліптичною трагедією, яку переживає ліричний герой та яка очікує людину та людство.

Ключові слова: європейський наполеонівський міф, «чорна» легенда, акмеїзм, тютчевський інтертекст, наполеонівські топоси.

A. V. TARARAK. NAPOLEONOVSKAYA SIMBOGIKA V POEZII O. E. MANDELSTAMA

В статье предпринимается попытка осмыслить характер использования символики и топосов, связанных с именем Наполеона, в творчестве О. Мандельштама. Русский акмеизм его фактически обошел, и лишь у этого поэта в его поздних, предсмертных стихах возникает наполеоновская символика, но она не служит для мифологизации личности героя. Проанализированы несколько редакций стихотворения, свидетельствующих о том, что поэт был равнодушен к наполеоновскому мифу, которому дань отдали поэты-романтики и символисты. В его творческом мире наполеоновская символика поначалу возникает как попытка соотнести масштаб страданий лирического героя с тем, что испытывали воины прошлого в вошедших в мировую историю сражениях. Однако в ходе работы над стихотворением О. Мандельштам снимает наименование конкретных и, вместе с тем, символических топосов, поскольку ни Ватерлоо, ни Аустерлиц несопоставимы с той апокалиптической трагедией, которую переживает лирический герой и которая ожидает человека и человечество.

Ключевые слова: европейский наполеоновский миф, «черная» легенда, акмеизм, тютчевский интертекст, наполеоновские топосы.

A. V. TARARAK. NAPOLEONIC SYMBOLISM IN O. MANDELSTAM'S POETRY

In the article we made an effort to comprehend the character of symbolism and toposes usage in O. Mandelstam's creation, which are connected with the name of Napoleon. Russian acmeism movement overlooked it in practice, and only this poet in his late, near-death poems is using Napoleonic symbolism, but it doesn't work for the mythologize of hero person. Several versions of the poem are analyzed, they give evidence, that the poet was indifferent to the Napoleonic myth in distinction from the poets-romanticists and symbolists, who paid attention to it. The Napoleonic symbolism appeared at first in his creative world like an attempt to correlate the scale of the lyric hero's sufferings with the scale of the sufferings of the foretime soldiers in the battles, which made the world history. O. Mandelstam took off during the work on the poem the titles of the concrete and at once symbolic toposes, because we cannot match Waterloo or Austerlitz with the apocalyptic tragedy, which the lyric hero survives and which is waiting for a man and for the mankind.

Key words: European Napoleonic myth, «black» legend, acmeism, Tyutchev's intertext, Napoleonic toposes.

Наполеоновский миф, сложившийся в западноевропейской культуре, оказал огромное воздействие на русское художественное сознание. Несмотря на утверждение ряда ученых, что наполеоновский миф (или легенда) развивался и на русской почве [2; 6; 8; 10], конкретный анализ произведений свидетельствует о том, что это не так. На наш взгляд, следует говорить о том, что русская культура воспринимала европейский и, в связи с особым характером отношений между двумя странами, французский наполеоновский миф и оригинально, своеобразно его интерпретировала. На ее характер накладывали свой отпечаток и общественно-политические события, и преобладающие в литературе тенденции, и особенности массового сознания, и пр. Именно в этой плоскости, как нам думается, можно говорить о доминировании позитивного или негативного («черная» легенда) отношения к этой личности, актуализацию того или иного аспекта «чужого» мифа, и даже сакрализации образа в творчестве, например, Д. С. Мережковского. В стороне от магистральных интересов ученых остается такой удивительный феномен начала XX в., как замещение наполеоновского мифа ницшеанством, а также специфическая реакция на него русского футуризма, характер которой можно назвать отторжением.

Отторжение наполеоновского мифа в эстетике футуризма является, на наш взгляд, сигналом о выходе русской культуры из полосы его актуализации и замене иными мифами. Индивидуальная его рецепция осуществлялась в творчестве М. Цветаевой, о чем уже много написано. Русский акмеизм его фактически обошел, и лишь у О. Мандельштама в его поздних, предсмертных стихах возникает наполеоновская символика, но говорить о мифологизации здесь не приходится. Цель статьи и состоит в том, чтобы осмыслить характер использования символики и топосов, связанных с именем Наполеона, в творчестве О. Мандельштама.

Одна из своего рода «наполеоновских» отсылок возникает в стихотворении «В изголовье Черное Распятье...» (1910). Комментируя цитату в этом произведении, С. Аверинцев отмечал, что «“Подводный камень веры”, как и многое другое у Мандельштама, – из любимого им Тютчева, из стихов о Наполеоне: “Он гордо плыл, презритель волн, // Но о подводный веры камень // В щепы разбился углый челн”. Вера – “подводный” камень, она связана с пучиной, с непроницаемой тайной глубоких вод. Но у Тютчева она угрожает чужому, другому, врагу – самоутверждению Наполеона. Мандельштам переадресовывает угрозу своему собственному “я”» [1, с. 9]. Речь идет о тютчевском стихотво-

рении «Наполеон» (1850), в котором, как известно, поэт видит Наполеона героем, терзаемым двумя одинаково сильными страстями: «Два демона ему служили, / Две силы чудно в нем слились: / В его главе – орлы парили, / В его груди – змии вились» [9, с. 449]. Однако героическое (орлиное) и мудрое (змеиное) не были освящены некоей силой, которая дается избранным. Видевший Наполеона через призму двойничества, поэт, вместе с тем, уже здесь намечает тему, отчетливо звучащую в его публицистике: завоевателю, взлетевшему на вершины славы, сыну революции, которую он «носил в самом себе», оказалась не под силу победа над «веры камнем». Ф. И. Тютчев пишет: «Бой невозможный, труд напрасный», характеризуя попытки «гения самовластного» преодолеть революцию. Когда же речь заходит о поражении в России, поэт придает ему мистический оттенок. Герой и завоеватель предчувствовал победу рока над собой: «Ты сам слова промолвил роковые: “Да сбудутся ее судьбы!..”» [9, с. 449]. Стихотворение Ф. И. Тютчева состоит из трех частей, и в последней из них как бы отдается дань романтическому прошлому поэта. Здесь вновь возникает знакомая по стихотворениям В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Бенедиктова, да и самого молодого Ф. И. Тютчева картина восстания из гроба почившего завоевателя, тень которого тоскливо бродит по далекому острову в океане. «Дух», «призрак», «мертвец», «тень» – образность, характерная для романтической поэтики, которая сохранена в этом стихотворении.

О. Мандельштам обращается к стихотворению Ф. И. Тютчева не ради актуализации «наполеоновского» интертекста, а переосмысляя мысль предшественника, выраженную емко и точно. В «Стихах о неизвестном солдате» он использует именно «наполеоновскую» символику. Как справедливо писал О. Лекманов, «сложнейшие “Стихи о неизвестном солдате” (1937) – это и камень Грааля, но и камень преткновения для исследователей творчества Мандельштама. Очень многие мандельштамоведы в какой-то момент своей научной биографии решали для себя – “готов!” – и принимались упорно анализировать самое длинное и самое темное стихотворение поэта. Было сделано множество ценнейших наблюдений, выявлено несколько убедительнейших подтекстов, однако стихотворение в целом продолжает оставаться загадочным и недопонятым» [4]. М. Гаспаров в монографии о гражданской лирике О. Мандельштама, отмечал, что «общая установка к восприятию стихотворения была задана еще вдовой поэта: в “Воспоминаниях”

Н. Я. Мандельштам разбросано очень много воспоминаний о “Неизвестном солдате”, а во “Второй книге” ему посвящена отдельная глава. Далее последовали работы Ю. И. Левина (1979), О. Ронена (1979), Вяч. Вс. Иванова (1990), В. М. Живова (1992), Л. Ф. Кациса (1991, 1994), М. Б. Мейлаха (1994), не говоря о более мелких заметках и попутных наблюдениях в других статьях и книгах. Главное внимание в работах последних лет было обращено на поиски подтекстов – реминисценций из литературных и нелитературных произведений, которые помогли бы нам понять сложное содержание этих стихов» [3, с. 10]. Не предпринимая попытки предложить собственное прочтение этого произведения поэта на фоне огромной научной литературы о нем, остановимся лишь на тех фрагментах, где обнаруживаются отголоски присутствия в русской культуре той поры символики, связанной с именем Наполеона.

О. Лекманов, предлагая свою интерпретацию «Стихов...», в примечаниях напоминает: «Как известно, стихотворение Мандельштама насчитывает множество редакций» [4]. Фрагменты текста, привлеченные наше внимание, содержатся в одном из его вариантов, «Луч» [5, с. 418 – 419], датированном 3 марта 1937 г. Сопоставление разных редакций стихотворения, созданных в марте 1937 г., свидетельствует о том, что поэт шел от конкретики к широким философским обобщениям, приводящим, вместе с тем, к затемнению смыслов. В редакции, где присутствуют наполеоновские топосы, поэт называет географически-конкретные координаты, вызывающие совершенно определенные ассоциации:

Там лежит Ватерлоо – поле новое,
Там от битвы народов светло:
Свет опальный – луч наполеоновый
Треугольным летит журавлем.
Глубоко в черномраморной устрице
Аустерлица забыт огонек,
Смертоносная ласточка шустрится,
Вязнет чумный Египта песок [5, с. 418].

«Наполеоновское» семантическое поле создают названия – Ватерлоо, Аустерлиц и Египет, причем последнее усиливает прилагательное «чумный», отсылающее к отчаянному поступку Наполеона в Яффе, где он, по преданию, пожимал руки больным чумой. Ассоциации с известной деталью облика Наполеона, как она зафиксирована в многочисленных стихах начала XIX в., его неизменной шляпой, возникают в строках: «Свет опальный – луч наполеоновый / Треугольным летит журавлем» [5, с. 418], а с местом его захоронения – «Глубоко в черномраморной устрице» [5, с. 418]. Однако пояснение образа света здесь вряд ли возможно без при-

влечения окружающего его контекста – предшествующих поэтических строк: «Аравийское месиво, крошево, / Свет размолотых в луч скоростей – / И своими косыми подошвами / Свет стоит на [подошве] моей...» [5, с. 419]. О. Лекманов интерпретирует его как образ смертоносного света, «бьющего в глаза современному поэту-рассказчику» [4].

В следующей редакции стихотворения поэт снимает большинство наполеоновских ассоциаций. Он уточняет смысл строфы о свете («И своими косыми подошвами / Свет стоит на сетчатке моей»), а смысл строк, которые связываются нами с деталью внешности Наполеона, делает менее узнаваемым:

И за полем полей – поле новое
Треугольным летит журавлем –
Весть летит светопыльной обною
И от битвы давнишней светло...
[5, с. 420].

От прежних смыслов остается лишь упоминание о «треугольном» журавле и «битве давнишней». В следующей строфе вновь возникают узнаваемые топосы: «Весть летит светопыльной обною: “– Я не Лейпциг, я не Ватерлоо, / Я не битва народов – я новое – / От меня будет свету светло...”» [5, с. 420], однако поэт расширяет семантическое поле за счет обобщений, никак не связанных с историей наполеоновских завоеваний, а имеющих экзистенциальный смысл:

Для того ль должен череп развиваться
Во весь лоб – от виска до виска,
Чтоб в его дорогие глазницы
Не могли не вливаться войска?
[5, с. 420].

Как и в первой редакции, в этой сохраняются строки: «И в своей знаменитой могиле / Неизвестный положен солдат», что представляет своего рода оксюморон. «Знаменитая могила» в данном поэтическом окружении – могила Наполеона, однако в ней лежит «неизвестный» солдат, солдат будущей войны, о которой пишет поэт. В третьей редакции стихотворения О. Мандельштам оставляет лишь одно упоминание, которое в первой связано с наполеоновскими топосами – образ ласточки:

Научи меня ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилой
Без руля и крыла управлять.

И за Лермонтова Михаила
Я отдам тебе строгий отчет
Как сутулого учит могила
И воздушная яма влечет [5, с. 21].

Создается впечатление, что поэт отсылает к «Воздушному кораблю»

М. Ю. Лермонтова, во всяком случае, слово «воздушный», использованное дважды, является семантически маркированным, если сопоставлять разные редакции стихотворения. Но в третьем варианте отсутствуют смыслы, прочитываемые в первых двух редакциях. Потому, вероятно, справедливо указание исследователей, которые поясняют эти строфы их реминисцентной связью с «Демоном». Так, например, О. Лекманов пишет: «Особое внимание обратим на словосочетание “воздушной могилы” из 3-й строки этой строфы, в котором сконденсировано намеченное ранее со(противо)поставление земли и неба. Поскольку теперь убивают и в небе, прямо там можно хоронить, как раньше хоронили в земле (к которой неуклонно приближается ”ласточка”-аэроплан). Не обойтись в данном случае и без указания на многократно отмеченный подтекст – “Демон” Лермонтова с его строками: “На воздушном океане / Без руля и без ветрил / Тихо плавают в тумане / Хоры стройные светила”. <...> Здесь впервые в “Стихах о неизвестном солдате” намечается собственное местоположение Мандельштама относительно участников всех прошлых и будущих войн. Он – рассказчик о трагических событиях. Авиационный термин уже и того времени “воздушная яма” переключается в строфе с “воздушной могилой” из предыдущего четверостишия» [4]. Таким образом, о связи с «Воздушным кораблем» речь не идет, поскольку к анализу привлекается конкретное поэтическое окружение этих строк в данной, третьей редакции «Стихов...».

В двух последующих редакциях произведена коренная перестройка текста, возникают и более широкие литературные реминисценции (Шекспир, Я. Гашек, Сервантес), и осмысление «союзной» жизни, и судьбы человека вообще. От первых вариантов остались лишь упоминания о треугольном журавле и знаменитой могиле неизвестного солдата. Вероятно, сравнение всех редакций и пояснение «наполеоновских» мест в первых дает возможность более убедительной интерпретации затемненного смысла последней редакции стихотворения. Она завершается строфами, свидетельствующими о стремлении лирического героя если не уберечь, то искупить всемирное безумие: «Неподкупное небо окопное, / Небо крупных оптовых смертей, / За тобой, от тебя целокупное – / Я губами несусь в темноте, – / За воронки, за насыпи, осыпи, / По которым он медлил и мглил – / Развороченных – пасмурный, оспенный / И приниженный гений могил...» [5, с. 427]. Истолкование этих темных поэтических образов содержится в ряде работ, где, ссылаясь на воспоминания Н. Я. Мандельштам,

утверждается: «Мандельштам сказал, что “он сам – неизвестный солдат”» [см., напр., 7]. Это проливает совершенно особый свет на смыслы этого произведения.

Можно обоснованно утверждать, что О. Мандельштам был равнодушен к наполеоновскому мифу, когда-то захватывавшему поэтов-романтиков и вдохновлявшему поэтов-символистов. В его творческом мире наполеоновская символика поначалу возникает как попытка соотнести масштаб страданий лирического героя с тем, что испытывали воины прошлого в вошедших в мировую историю сражениях. Однако в ходе работы над стихотворением поэт снимает наименование конкретных и, вместе с тем, символических топосов, поскольку ни Ватерлоо, ни Аутерлиц несопоставимы с той апокалиптической трагедией, которая ожидает человека и человечество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. Судьба и весть Осипа Мандельштама / С. С. Аверинцев // Собр. соч. : в 2 т. / О. Мандельштам – М. : Художественная литература, 1990. – Т. 1. – С. 5–64.
2. Волгин И. Л. Наполеоновская тема в творчестве Достоевского / И. Л. Волгин // Наполеон. Легенда и реальность : Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996 – 1998. – М. : Минувшее, 2003. – С. 284 – 302.
3. Гаспаров М. Л. О. Мандельштам. Гражданская лирика 1937 года / М. Л. Гаспаров. – М. : Российский гуманитарный университет, 1996. – 128 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 17).
4. Лекманов О. Опыт быстрого чтения «Стихи о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама / О. Лекманов // Новый Мир. – 2013. – №8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/8/10l.html.
5. Мандельштам О. Э. Стихи о неизвестном солдате // Собрание сочинений : в 2 т. / О. Э. Мандельштам. – Т. 1. Стихотворения. Переводы [Сост. П. М. Нерлера. Вст. ст. С. С. Аверинцева]. – М. : Худож. лит-ра, 1990. – С. 417 – 427.
6. Матюшенко Е. Г. Наполеоновский миф в России / Е. Г. Матюшенко // Наполеон. Легенда и реальность : Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996 – 1998. – М. : Минувшее, 2003. – С. 174 – 201.
7. Сарнов Б. Апокалипсис или агитка? / Б. Сарнов // Лехаим. – 2005. – Февраль. Шват. – 5765 – 2 (154). [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://www.lechaim.ru/ARHIV/154/sarnov.htm>

8. Секирский С. С. Наполеоновский миф в России XIX – XX вв. / С. С. Секирский // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы : историческое сознание и литературные мифы [Сост. Н. М. Великая, Е. Д. Гальцова]. – М. : Ключ-С, 2011. – С. 162 – 175.

9. Тютчев Ф. И. Наполеон / Ф. И. Тютчев // Наполеон Бонапарт: Pro et contra. Личность и деяния Наполеона Бонапарта в оценках

российских исследователей. Антология [Автор-составитель О. В. Соколов]. – СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2012. – С. 449 – 450.

10. Черепанова Р. С. Наполеон Бонапарт как фигура русского национального самосознания / Р. С. Черепанова // Наполеоновские войны на ментальных картах Европы: историческое сознание и литературные мифы [Сост. Н. М. Великая, Е. Д. Гальцова]. – М. : Ключ-С, 2011. – С. 176 – 192.